

Театр одного актёра

1.

Когда давно знакомые образы гоголевской «Шинели», ее скорбный юмор получают в исполнении Сергея Балашова новое освещение, можно смело говорить о втором рождении прославленного произведения русской классической литературы. Суть дела не просто в том, что повесть читает актер большой творческой оригинальности,—

все дело в том, что читает ее наш современник и все ситуации «Шинели» оценивает с высоты нашей, советской эпохи. Но слово «читает», пожалуй, не то слово. Все еще не улеглись споры о границах театрализации в искусстве художественного чтения, и С. Балашов сказал здесь своей работой новое слово.

Он появляется на сцене в костюме эпохи, со свечой в руке, чтение время от времени прерывается музыкой, звучат отрывки из сатирической пьесы Лядова «Кикимора» или «Времен года» Глазунова, то и дело меняются мизансцены, артист обыгрывает вещи... Да, это не просто художественное чтение,—это театр одного актёра, взявшего на себя благородный труд воплотить образы повести не только средствами актерской выразительности, но и с помощью прямой театрализации.

С. Балашов владеет выразительным жестом, игрой глаз, то трагически расширенных, то светящихся насмешкой, то скорбных, то пронизанных иронией. В голосе артиста звучит печаль и мягкий юмор, когда речь идет о вечном титулярном советнике, робком и униженном, но чистым сердцем Акакии Акакиевиче, и гневный сарказм, когда исполнитель воспроизводит, например, сцену у «значительного лица». Мастер художественного слова остро и глубоко раскрывает идейное содержание бессмертной гоголевской повести. Он вызывает у слушателей искреннее сочувствие к жалкому, забитому петербургскому чиновнику, приниженному и бессловесному Башмачкину, жизнь которого на мгновение осветил луч радости—новая шинель. Это сочувствие оборачивается под пером великого сатирика гневом и протестом против тех порядков, которые бросили униженного и ограбленного Акакия Акакиевича в пучину бедствий. И артист находит много ярких и резких красок, чтоб показать власть имущих, виновников бедствий маленького человека.

Ревнители чистоты жанра художественного чтения могли бы возразить против того, например, приема театрализации, как обыгрывание серебряного царского рубля, когда сатирик говорит о «бесчеловечье», «свирипой грубости» представителей крепостнической России: артист презрительно всматривается в выгравированный на мо-

нете портрет самодержца и с отвращением бросает ее на пол. Особенно много игровых, зрелищных элементов привносит актер в сцену, связанные со «значительным лицом». Например, слова: «...значительное лицо, спишась и снесаясь с кем следует, может заставить успешнее идти дело»—артист сопровождает очень живописным жестом, который образно показывает сложный бюрократический путь прохождения просьбы Акакия Акакиевича. В ярко выраженной игровой манере передает он и другое место: «По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Каликина моста...» и т. д. Читая этот текст, артист все время с опаской оглядывается и тревожная атмосфера обывательских слухов тем ярче воспринимается слушателем.

На всем протяжении повести С. Балашов создает точный рисунок, вносит в ее исполнение множество интонационных красок. И вы видите в острейших бытовых характеристиках то Петровича, то его сварливую жену, то будочника, то чиновников «одного департамента», слышите грозные и самодовольные ноты голоса «значительного лица», слышите биение сердца бедного Акакия Акакиевича.

Работа С. Балашова над великим произведением гоголевского гения — весомый вклад в советское искусство художественного чтения. Творческие искания артиста заслуживают уважения и признания.

Б. ПОДОЛЬСКИЙ.

2.

...На креслах и столиках разбросаны книги, сцена заполнена рапирами, шпагами, тихо играет музыка. В длинном бархатном сюртуке, с толстым томом Белинского в руках выходит артист. Медленно, словно вдумываясь в каждое слово, читает он вдохновенные строки великого критика о театральном искусстве. Так начинается литературно-музыкальная композиция по трагедии Шекспира «Гамлет», автором и единственным исполнителем которой является заслуженный артист РСФСР Сергей Балашов. Играя то рапирой, то посохом, то цветами и ожерельем, артист быстро перевоплощается в образы трагедии.

Мы знакомимся с Гамлетом в момент наивысшего напряжения его духовных сил, когда в душу его уже закралось подозрение в несправедливости мира. Датский принц чувствует, что смерть отца не была естественной, и прирак покойного короля раскрывает ему тайну преступления Клавдия, возлагает на Гамлета задачу мести. Сцена разговора с призраком — одна из самых сильных в композиции. Глубоко и верно показал артист внутреннюю драму героя, его сложный и противоречивый путь в поисках истины. Гамлет Балашова — сильный по натуре человек. Свое несчастье он воспринимает как проявление зла вообще, и артист точно и тонко оттеняет это.

Особенно удались С. Балашову образы Полония и короля Клавдия. Лыстивый, возомнивший о себе, готовый в любую минуту ради своей выгоды предать кого угодно, Полоний вызывает иронический смех в зале. Остальные образы, особенно женские, менее выразительны.

Сильное впечатление производит заключительная часть. Умирает от раны Гамлет, отравлена королева, погибает пронзенный отравленной шпагой Лаэрт. И все же зритель покидает зал с сознанием, что главный герой трагедии, о котором Шекспир не упоминает, но который чувствуется в каждом слове и жесте артиста,—жизнь, и она восторжествовала. Такова сила искусства талантливого мастера художественного слова:

А. ТРЕТЬЯКОВА.